ДЭВИД ЛИНДСЕЙ

Наваждение

Коллекция «ГАРФАНГ»

Дэвид Линдсей

Наваждение

Серия «Коллекция «Гарфанг»»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5746610
Наваждение/Пер. с англ. С. А. Жигалкина.: Языки русской культуры; 2001; 2000
ISBN 5-7859-0205-2

Аннотация

Дэвид Линдсей (1876-1945) – английский писатель, автор знаменитого ныне романа «Путешествие на Арктур». Одинокий, отчужденный, странный, не признанный при жизни Дэвид Линдсей сейчас расценивается как один из выдающихся мэтров «черной фантастики». В романе «Наваждение» Линдсей представил загадочное переплетение скучной и никчемной человеческой жизни с призрачной и жестокой волей потустороннего.

Содержание

Глава I 5
Глава II 13
Глава III 19
Глава IV 25
Глава V 31
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Дэвид Линдсей
Наваждение

OBSCURUM PER OBSCURIUM
IGNOTUM PER IGNOTIUS

Коллекция «ГАРФАНГ»
Литература беспокойного присутствия

Коллекцию ведет
Евгений Головин

В издании коллекции участвуют
Сергей Жигалкин, Ирина Колташева

В коллекцию «ГАРФАНГ» войдут произведения черной, фантастической, зловещей беллетристики. В основном.

Но это вовсе не стоит понимать однозначно. Ведь наш закат – это рассвет антиподов.

И даже в сердцевине ада тлеет искорка божественного смеха.

Гарфанг – белая полярная сова – с давних времен символизирует бесстрашный поиск неведомого. Знаменитый викинг Торфин Карлсон – один из открывателей нового материка – начертал гарфанга на своем щите.

Когда Раул Амундсен умирал от истощения в полярных льдах, он увидел гарфанга и понял, что берег близко. Но какой берег?..

И вдруг!

Это словечко «и вдруг» подобно апельсиновой корке на дороге бегущих ног.

И вдруг!

Мы всегда планируем будущее на час, день, месяц, год.

И вдруг!

Это в нашей крови – думать о будущих поступках. Собираемся продвинуться по службе, взять сердце женщины правильной осадой и жениться… через годик, другой.

И вдруг!

Чужая, интересная, потаенно жестокая вселенная вторгается в нашу психику и в наши планы. Называть ее можно как угодно: четвертое измерение, параллельная вселенная – это дела не меняет.

И сомнение, как свежий северный ветер, врывается в наше сознание: правда ли, что жить хорошо, а умереть – плохо?

Глава I
Маршел возвращается из Америки

Во второй половине августа Маршел Стоукс отправился в Нью-Йорк по делам о наследстве недавно умершего брата своей будущей супруги. Занятый, деловой человек, представитель страховой компании Ллойда, он с большим трудом нашел для этого время – а на поездку потребовалось более двух недель, – но другого выхода не было. Его невеста, мисс Ломент, не имела в Америке никаких связей: круг ее родственников ограничивался овдовевшей тетушкой, вместе с которой она и жила. Естественно, леди не могли сами отправиться за океан, где пришлось бы изучать конторские книги, беседовать с адвокатами, рассматривать иски и т. п., – ни одна из них не обладала соответствующим опытом. Заняться этим, следовательно, предстояло Маршелу. Разумеется, в такой краткий срок он был не в состоянии полностью закончить дело, тем не менее довел его до завершающей стадии и поручил фирме с хорошей репутацией действовать от лица мисс Ломент. Наследство оценивалось в сорок тысяч долларов.

Когда в середине сентября он вернулся в Лондон, выяснилось, что дамы уехали в Брайтон: миссис Мvр, тетушка, по-видимому, неважно себя чувствовала. Маленькая надушенная записка от Изабеллы призывала его присоединиться к ним. Маршел не мог сразу же уехать из города, но через два дня, в пятницу, после полудня, бросил работу, сел за руль и направился в Брайтон на уик-энд. Погода была чудесная, настроение – отличное, и, проезжая пригородные районы Сассекса, усеянные мерцающими в сентябрьской дымке сине-лиловыми цветами, он думал, что никогда еще не видел ничего столь прекрасного. Сияло солнце, и дул свежий, бодрящий ветерок.

Тем же вечером он ужинал с Изабеллой и миссис Мур в ресторане отеля «Гонди». Пожалуй, ни та, ни другая леди не привлекала к себе столько внимания, сколько сам Маршел. Представительный и мощный, он был великолепен в своем вечернем костюме. Его румяное лицо, с которого еще не сошел океанский загар, располагало добродушной, жизнерадостной флегмой. Даже руки, красные и крупные, однако хорошей формы, выделяли его среди других мужчин. Изабелла время от времени с удовольствием посматривала на него и украдкой улыбалась. Говорил в основном Маршел. Оставив дела на потом, за ужином он развлекал дам своими впечатлениями о Соединенных Штатах, и благодаря свободному употреблению новейшего сленга его рассказы приобретали особую пикантность. Племянница с тетушкой прекрасно знали Америку, однако тактично умалчивали об этом.

По случаю смерти брата Изабелла была в черном. Покрой платья, в согласии с последней модой, отличался глубоким вырезом на ее полной груди и еще более глубоким на спине. Внешности весьма обыкновенной, на первый взгляд довольно привлекательная двадцатипятилетняя девушка, не более того. Широкие скулы и низковатый лоб придавали лицу несколько чувственное выражение, а тусклая кожа под слоем пудры казалась неестественно бледной. Вообще, ее лицо оставляло впечатление спокойствия, даже неподвижности, но внезапно мелькнувшая улыбка или чувство мгновенно прогоняли эту маску. Глубокие серо-черные глаза – обычно скучающие и отсутствующие – иногда сужались, и тогда острый, проницательный взгляд поражал неожиданностью. Волосы, длинные и нежные, были пепельными. Невысокая и, по современным представлениям о красоте, со слишком, пожалуй, широкими бедрами, она тем не менее производила элегантное впечатление. У нее была изящная походка, руки и ноги маленькие, что называется, аристократические. Украшения предпочитала она неброские.

Она командовала всеми своими друзьями, а двое или трое самых близких просто обожали ее. Более того, в каком бы обществе она ни оказалась, не прилагая никаких усилий, к концу вечера неизменно добивалась успеха и становилась центром внимания не только мужчин, но и женщин. Не склонная к стеснительности и застенчивости, всегда спокойная и немного скучающая, она очаровывала самой силой своего молчания, под которым – абсолютно ясно – отнюдь не таилась глупость. Прежде чем на ее горизонте появился Маршел, она уже отклонила три брачных предложения. Стоит отметить, что все предлагавшие руку и сердце были намного старше ее.

У Изабеллы была странная привычка: она постоянно – несомненно, бессознательно – занималась собой: то и дело перебирала волосы, разглаживала юбку, поправляла пояс, вертела ожерелье или браслет. Причина, однако, крылась не в кокетстве, а в некоторой нервной раздражительности. Миссис Мур частенько выговаривала ей – ведь при потворстве дурная привычка может укорениться. Изабелла тотчас же прекращала свои манипуляции, но вскорости начинала опять. Странно, тем не менее очень многим мужчинам нравилось наблюдать за ее игрой со своим туалетом. Изабелле это было хорошо известно и всегда возмущало ее.

Миссис Мур, ее тетушке, недавно пошел шестидесятый год. Она, как мы сказали, осталась вдовой. Муж, мелкий биржевой маклер, во время каучукового бума скопил приличное состояние, после его смерти в 1911 году в целости и сохранности перешедшее к ней. Благодаря удачным биржевым операциям она с тех пор существенно приумножила капитал и теперь считалась богатой женщиной. Младший брат миссис Мур, отец Изабеллы, умер примерно в то же время, когда и ее муж. Вдовец, он кроме Изабеллы имел еще одного сына, того самого, который недавно скончался в Нью-Йорке. После смерти отца Изабелла, в ту пору шестнадцати лет, попала под опеку миссис Энн Мур. Ее сразу же – отчасти против воли – забрали из школы, и две женщины начали совместное кочевое существование с бесконечными переездами из отеля в отель во всех странах света. Со временем Изабелла полюбила эту свободную жизнь. Да и выбора не было: собственных средств не хватало и она зависела от причуд своей тетушки. Остается лишь добавить, что Изабелла постоянно тиранила пожилую женщину и последняя не только не противилась ей, но даже считала такие отношения вполне естественными.

Миссис Мур – особа невысокого роста, с хорошей, хотя и довольно жесткой осанкой – отличалась весьма развитым чувством собственного достоинства. Словно высеченное из желтого мрамора, лицо миссис Мур – решительное и строгое – лишь изредка освещалось улыбкой. Годы не сказались на ее физических и умственных кондициях и вполне удовлетворительном здоровье. Одеваться она не умела, поэтому ее гардеробом ведала Изабелла, а что и когда надевать, советовала служанка. Она была, в сущности, из тех эксцентричных женщин, которым следовало бы родиться мужчинами. И вкусы, и сфера интересов у нее преобладали мужские. Миссис Мур понимала, например, куда вложить деньги, дабы получить наибольшую прибыль, как покупать и продавать землю и как наилучшим образом обставить дом. Но она совершенно не умела польстить мужчинам, изящно вести пустую беседу, вовремя поинтересоваться мелкими домашними заботами другой женщины или произвести впечатление на представителей высшего общества. Не признавая авторитетов, она была достаточно горда, чтобы в любом обществе говорить что думает. Вполне естественно, знакомые и друзья, относясь к ней с большим уважением, несколько побаивались ее и так, по существу, и не приняли в свой круг. Роковое одиночество порой тяготило, и тогда она находила утешение в музыке. Любила классику, особенно Бетховена, но история музыки для нее заканчивалась Брамсом. Случалось, неделями не открывала рояля, а потом, охваченная внезапной страстной тоской, садилась и играла часами. Ее исполнение – самоуверенное и не очень деликатное – отличалось, однако, известной экспрессией.

Обе женщины обожали друг друга, хотя и не имели особой охоты демонстрировать свои чувства. Тем не менее разность темпераментов провоцировала частые ссоры. Когда это случалось, тетушка обычно наступала весьма решительно и энергично, а Изабелла, напротив, становилась угрюмой, мстительной, подолгу молчала и с трудом успокаивалась.

После ужина все трое отправились на второй этаж, в апартаменты миссис Мур. Официант принес кофе и шартрез. Комната была выбрана удачно и отличалась от прочих множеством ваз с бледными хризантемами, искусно расставленных Изабеллой. Она, надо заметить, очень любила это занятие. Было прохладно, и в камине слабо горел огонь. Они сдвинули кресла к очагу и образовали полукруг, Изабелла – посередине. Протянув руку к каминной полке, она взяла из коробки две сигареты: для Маршела и для себя. Миссис Мур курила редко.

Поговорили о делах. Маршел подробно рассказал о хлопотах по наследству: что уже сделано и что еще осталось сделать за океаном.

– Во всяком случае, – подвела итог миссис Мур, – основные проблемы, кажется, решены. Теперь Изабелла наверняка получит свои деньги?

– О, наверняка. Разве что придется несколько месяцев подождать.

Изабелла отпила глоток кофе и задумчиво посмотрела на огонь.

– Не сомневаюсь, Изабелла, когда все уладится, ты найдешь куда потратить эти деньги.

– О, оставим сантименты, тетя: не пойду же я к Маршелу с пустыми руками.

Маршел и миссис Мур одновременно запротестовали.

– Не стоит возмущаться, – спокойно возразила Изабелла. – Сплошь и рядом, разумеется, именно так и поступают, а почему, собственно, я должна следовать подобному обычаю? Разве женщине обязательно садиться мужу на шею? Такая ситуация просто превращает ее в своего рода собственность. И это еще не самое худшее…

– Очень хорошо, дитя мое, ты поступишь как сочтешь нужным, только попусту не волнуйся.

– Изабелла права, – сказал Маршел. – В ее доводах есть изрядная доля здравого смысла. Она хочет чувствовать себя независимой. Естественно. Я не одарен богатым воображением, но вполне могу представить, как, должно быть, неприятно поддерживать с мужчиной хорошие отношения – особенно когда не чувствуешь к нему никакого расположения – исключительно из-за его кошелька.

– Я имела в виду не столько мое отношение к вам, сколько ваше ко мне, – заметила Изабелла.

– Помилуйте, это *безусловно* лишено всяких оснований! Располагаете вы собственными средствами или нет, вряд ли мои чувства к вам изменятся. Почему вы так говорите?

– О, я совсем о другом, – ответила Изабелла. – Я, право же, подразумеваю не тиранию или жестокость. Просто, полагаю, ваше отношение ко мне может бессознательно измениться – и чаще всего потом уже ничего не вернешь. Сама мысль, что я всецело завишу от вас, может вынудить вас быть добрее и обращаться со мною по-рыцарски. И такое унижение может длиться всю жизнь! Я никогда не буду уверена, берет в вас верх доброта или просто жалость.

– Вздор! – воскликнул Маршел. – Вы излишне щепетильны, между мужем и женой такого не бывает.

– Жаждать любви, а довольствоваться симпатией? Это невыносимо, – сказала она спокойно, даже холодно.

– Вы, девушки, все одинаковы, – рассердилась миссис Мур. – У вас в мозгах крепко сидит одно словечко – «любовь». Уверяю тебя, большинство замужних женщин очень благодарны, когда их порой одаряют симпатией. Всем известно, какова любовь без симпатии.

– Ну и какова же?

– Чистый, жестокий эгоизм, моя дорогая. Если именно этого жаждет твое сердце, тем хуже для тебя.

– Возможно, именно это меня и прельщает, не важно. Говорят, в каждой женщине есть что-то первобытное. Не исключено, я всегда буду готова продаться тому, кто заплатит большей любовью… Так что будьте осмотрительны, Маршел.

– К счастью, мы оба хорошо знаем тебя… – сухо констатировала миссис Мур.

– Ну, насчет того, *знаете* ли вы меня… – Изабелла принялась теребить кружево корсажа.

– А что, собственно, тут знать? Девушки порой чрезвычайно загадочны для молодых людей, но не для пожилых женщин, моя дорогая. В последнее время ты слишком увлекалась русской литературой.

Племянница натянуто рассмеялась.

– Если все девушки столь безнадежно похожи, в чем же тогда наследственные черты?

– Надеюсь, ты не утверждаешь, что у тебя больше предков, чем у других людей? С чего это вдруг ты решила казаться непостижимой, дитя мое?

Маршел счел, что самое время прервать пикировку, грозившую неприятностями.

– Поговорим о чем-нибудь другом. Миссис Мур, вы еще не подыскали дом?

– Пока нет. А почему вы спросили?

– Не устроит ли вас Сассекс?

Прежде чем тетушка успела ответить, Изабелла, стремясь сгладить впечатление, произведенное ее запальчивыми словами, с дружеской улыбкой повернулась к Маршелу.

– Вы слышали о чем-то стоящем? Где именно в Сассексе?

– Недалеко от Стайнинга.

– Туда можно добраться из Уэртинга, не так ли?

– На автомобиле туда можно добраться откуда угодно. Это недалеко от Брайтона.

– Расскажите, пожалуйста, подробнее. Что за дом?

– Позволь, Изабелла! – нетерпеливо вмешалась миссис Мур. – Там большое имение, Маршел? Как вы узнали о нем?

– Поместье эпохи Елизаветы. Две сотни акров земли, в основном занятой строевым лесом. Старая часть здания еще тринадцатого века. Я случайно встретил владельца.

– А цена?

– Он отказался назвать цену экспромтом. Вообще-то, он не горит желанием во что бы то ни стало продать дом. В Сан-Франциско недавно умерла его жена. Воспользовавшись случайной встречей, я поинтересовался, не собирается ли он продать поместье. Он еще ничего не решил, но мне кажется, за хорошую цену… Само собой разумеется, если поместье вообще вам понравится.

– Бедняга! По крайней мере, надеюсь, он… Кстати, а сколько ему лет?

– Он сказал, пятьдесят восемь. Занимался торговлей цветными металлами в Бирмингеме. Мистер Джадж – вы случайно его не знаете?

– Знаем мы его, Изабелла?

– Нет.

– Вполне приличный господин. В Ранхилл Корт они с женой прожили восемь лет, так что все вроде бы в порядке.

– Поместье называется Ранхилл?

– Да. По его словам, исторически название восходит к древнесаксонскому «рун-хилл».[1] Руны – это письмена, предназначенные для защиты от троллей и всяких наваждений. Впрочем, по-моему, это вас не особенно интересует. Главное же, из его рассказов я понял: дом

[1] Rune-hill – холм рун *(англ.)*.

вполне современный. Он не жалел сил и средств на всевозможные удобства – электрический свет и прочее… Ну как, есть желание заняться этим?

Миссис Мур села поглубже в кресло, что было признаком нерешительности. Изабелла изящно затянулась сигаретой.

– Поместье елизаветинской эпохи, – произнесла она задумчиво. – Неплохо звучит. Нет ли там фамильного привидения?

– А вы непременно этого хотите?

– В любом случае, дитя мое, *тебе* не придется долго там жить, – авторитетно заявила миссис Мур. – Если, конечно, вы с Маршелом за моей спиной не изменили своих планов.

– Мы, тетя, не конспираторы. Ведь договорились: все состоится в апреле.

– Тогда прошу тебя, позволь мне устроить собственные дела. Маршел, когда можно осмотреть дом?

– В любое время, полагаю. Дать вам городской адрес Джаджа?

– Да, пожалуйста.

Он написал адрес на листе из блокнота и передал миссис Мур. Изабелла внимательно посмотрела на него.

– А вы разве не поедете с нами?

– Говоря откровенно, не собирался. Но, естественно, если вы хотите…

– Мы хотим, – отчеканила миссис Мур. – Какой день вас устроит?

– Дайте сообразить, – он заколебался. – …Хорошо, раз мы все в сборе, почему бы не отправиться завтра утром? Отвезу вас на автомобиле. В такую чудесную погоду поездка за город, несомненно, доставит вам удовольствие.

Миссис Мур посмотрела на бумажку, которую ей передал Маршел.

– Ведь вы сказали, мистер Джадж в городе? Сумеем ли мы до завтрашнего утра получить разрешение на осмотр?

– Да, конечно… Дело в том, что разрешение у меня есть.

– Однако, дорогой Маршел, зачем же в таком случае вы вознамерились отправить меня на всякие утомительные розыски и переговоры с мистером Джаджем?

– Да, действительно, зачем? – нахмурилась Изабелла.

– Видите ли, это личное разрешение, я же не знал, что поеду вместе с вами.

Изабелла в недоумении взглянула на него.

– Вы… собирались поехать один, без нас?

– В общем-то, да. Я намеренно не упомянул об этом – речь идет о довольно конфиденциальном деле. Джадж просил моего мнения об одной из комнат…

– Мнение о комнате? Он что, собирается ее переустраивать?

– Не то чтобы переустраивать, насколько мне известно… Извините, Изабелла, я уже сказал, дело это конфиденциальное. Я дал слово и потому не могу рассказать вам подробнее… Тем не менее буду счастлив сопровождать вас.

Изабелла медленно погладила юбку – вперед и назад, – как бы оценивая ткань.

– Странно, однако. Итак, вы собираетесь скрыть от нас с тетей некую таинственную сделку?

– Я собираюсь сдержать слово.

– Проще говоря, интересы совершенно незнакомого человека для вас важнее наших? Я не дам и ломаного гроша за эту комнату, и меня абсолютно не волнует, что там собираются с ней делать, но меня, естественно, волнует…

– Полно, дитя мое…

– Что вы такое затеяли? Теперь я буду беспокоиться, не зная, *что* у вас на уме.

Миссис Мур сурово посмотрела на племянницу.

– Изабелла, попытайся рассудить здраво. Маршел дал слово, нельзя же его нарушить. И он совершенно прав, а тебе только бы устроить сцену. Скажите откровенно, Маршел, вы и в самом деле не против, чтобы мы поехали с вами?

– Ну разумеется, я очень рад… Вам удобно утром, в половине одиннадцатого?

– Вполне. Ну что ж, решено. Теперь идите вниз, а я почитаю. Маршел, мы не увидимся до утра, спокойной ночи!.. И вызовите, пожалуйста, служителя. Пусть уберут все эти вещи.

До прихода служителя она продолжала прямо и неподвижно сидеть в кресле, потом, однако, не стала читать, хотя именно таково было ее намерение, а, передумав в последний момент, села за фортепьяно. Разногласия и споры по пустякам всегда вызывали у нее неприятный осадок, освобождение от которого достигалось лишь в мире гармонии и высоких идеалов.

Молодые люди – Изабелла немного впереди – медленно спустились по лестнице.

– Не сыграть ли партию в бильярд? – неуверенно предложил Маршел.

– Как вам угодно.

Проходя мимо гостиной, они заметили, что дверь широко открыта; в комнате никого не было.

– Давайте зайдем, – сказала Изабелла.

Они вошли, и она закрыла дверь. Оба продолжали стоять.

– Могу я осведомиться, – начала Изабелла, и щеки ее порозовели, – намерены ли вы и дальше скрывать ваши конфиденциальные дела? Мне необходимо это знать.

– Дорогая Изабелла…

– Да или нет? – в голосе прозвучали зловещие нотки.

Маршел почувствовал, что все его будущее, похоже, всецело зависит от нескольких слов, которые он сейчас скажет этой опасной, рассудительной девушке в черном.

Он поразмыслил с минуту.

– Конечно, Изабелла, раз уж вы *так* воспринимаете это, я не собираюсь ничего скрывать. Да, я пообещал Джаджу хранить секрет, хотя, возможно, не имел права давать такого обещания. Я вполне понимаю, личные тайны не способствуют взаимодоверию между супругами.

– Вот и прекрасно. Не будем больше об этом говорить. Я рада. Значит, вы тоже полагаете, что разные мнения на этот счет ничего хорошего в будущем нам не сулят… Но что за соглашение все-таки у вас с тем человеком? Чего он хочет? Вы ведь его совсем не знаете, верно?

– О, совершенно верно.

– Тогда расскажите, я не проговорюсь.

– Хорошо. В конце концов, речь идет не о государственной тайне. Вот какое дело: в одной из комнат Ранхилла – в мансарде, именуемой, кстати, «Восточной комнатой», – с мистером Джаджем случались – или ему кажется, что случались, – удивительные вещи. Это было восемь лет назад, сразу после переезда в поместье, и, по-видимому, весьма беспокоит его до сих пор. По непонятной причине он вообразил, что я обладаю здравым смыслом, почему и попросил помочь ему разобраться. Я зачем-то согласился, только и всего.

– Но почему *вы*? Почему он выбрал именно *вас*?

– Я и в самом деле не знаю. Так закончилась наша дружеская беседа на корабле по пути из Америки. Мы обсуждали четвертое измерение и тому подобное.

– Что же, однако, за удивительные вещи случались с мистером Джаджем?

– Галлюцинации, на мой взгляд. По утрам в конце каждой недели в этой комнате на месте глухой стены вдруг появлялся ведущий наверх лестничный пролет. Он утверждает, что не только видел лестницу, но и поднимался по ней. И совершенно не помнит, что происходило наверху.

– Какая странная фантазия!

– В конце концов его жена заметила, что он ушел по этой лестнице. То есть *она*, конечно, не видела никакой лестницы, и все-таки он сильно перепугался. Запер комнату, и с того дня туда никто не входил. Поскольку жена умерла, он, видно, считает, что больше нет необходимости хранить тайну.

– Может, он немного не в себе?

– Вовсе нет… Ни в какой степени.

– И вы обещали помочь ему разобраться?

– А что, дорогая Изабелла, мне было делать? Не мог же я заявить ему прямо в лицо, что он лунатик. У меня не было выбора… Так или иначе, завтрашняя прогулка на автомобиле послужит искуплением поспешно данного мной слова.

– Итак, вы согласились просто из жалости?

– Нечто в этом роде.

– Это делает честь вашей деликатности… Я рада, что вы рассказали… Я должна знать *все* о ваших делах. Понимаете?

– Конечно.

Довольная, она ловко обняла его и подставила губы для поцелуя. Оба рассмеялись… Маршел, однако, по-прежнему испытывал некоторую неловкость. Когда наконец Изабелла выскользнула из его объятий – здесь явно было не место давать волю чувствам, – он внимательно посмотрел в ее напудренное лицо, в неподвижные загадочные глаза.

– Теперь, Изабелла, когда мы вдвоем, объясните же мне ваши слова насчет готовности продаться тому, кто заплатит большей любовью. Вы это серьезно или просто дразнили меня?

– Да, я не представляю себе жизнь без любви, – спокойно ответила Изабелла.

– Не спорю. Но, похоже, для вас любовь – нечто вроде варенья, которое можно зачерпнуть ложкой. А ведь любовь не существует сама по себе, отдельно от человека, которого любят. Вам же, кажется, безразлично, кого любить, лишь бы человек был более или менее сладок и приятен.

– Перестаньте. Во-первых, я все это говорила не ради того, чтобы вам досадить, и, во-вторых, симпатичен человек или нет – не имеет значения: я хочу совсем иного.

– Чего же тогда?

Изабелла ответила не сразу. Она слегка отвернулась и дотронулась тонкими белыми пальцами до кончиков волос.

– Не знаю… Любовь должна быть сильнее этого… Видите ли, одна девушка может удовольствоваться тихой привязанностью, а другой достаточно мутного сентиментального сиропчика. Все зависит от характера. У меня, я думаю, характер трагический.

– Надеюсь, что нет, – он озадаченно смотрел на нее. – …Изабелла, ответьте на один вопрос – вы случайно не находите нашу помолвку… ну, *монотонной*, что ли?

– О, нет.

– Вы уверены?

– Совершенно уверена. Хотя вопрос весьма странный.

Наблюдая за ее спокойной насмешливой улыбкой, Маршел внезапно занервничал.

– Мне кажется, вы прекрасно понимаете в святая святых вашего сердца, что можете делать со мной что угодно, и отсюда ваше высокомерие. Верно, мои слова неубедительны, а все-таки я готов всю жизнь бороться за ваше, Изабелла, хорошее мнение, чем, не прилагая усилий, довольствоваться преклонением любой другой женщины.

– Если это все, чего вы хотите, я всегда буду хорошего мнения о вас.

Кровь бросилась ему в лицо, и он сделал к ней шаг. Она ждала его с той же спокойной насмешливой улыбкой; в этот момент кто-то с шумом повернул дверную ручку. Оба в смущении отпрянули друг от друга.

– Не сыграть ли партию в бильярд? – как бы продолжая беседу, спросила Изабелла, одновременно оборачиваясь, чтобы взглянуть на двух входящих дам.

Маршел согласился, и они покинули гостиную.

Глава II
Поездка в Ранхилл Корт

В субботу утром, после завтрака, Маршел подогнал автомобиль. Он курил и прогуливался около машины, пока наконец в портике отеля не появились леди. Изабелла была в свободном длинном пальто в модную клетку и черной атласной шляпке с вуалью; как всегда, напудрена и довольно сильно надушена. Невысокая, всем своим видом выражающая решительность и строгость миссис Мур оделась просто и с достоинством. Выглядела она, разумеется, более представительно.

Критически оценивая автомобиль, Изабелла обошла его кругом. Маршел купил этот автомобиль два месяца назад, но доставку отложили до его возвращения из Америки.

– Кажется слишком изящным и хрупким, – заступился Маршел, – а на дороге – прямотаки зверь.

Племянница и тетушка были в прекрасном настроении. Их радовала поездка на автомобиле и весьма интересовало предстоящее посещение поместья. Стояла теплая, безветренная погода – чудесный сентябрьский день. На безоблачном небе сияло солнце, и окутанное легкой дымкой море отражалось молочной белизной. Всюду толпились гуляющие, где-то в переулке на переносном органе играли популярную мелодию, люди выглядели бодро и беззаботно.

– Успеем ли мы вернуться к обеду? – строго осведомилась миссис Мур.

– Постараемся. Около пятнадцати миль туда и столько же обратно.

– Тогда поедем, не будем терять времени.

Усаживаясь вслед за миссис Мур на заднее сиденье, Изабелла слегка коснулась руки Маршела и одарила его благосклонной улыбкой. Щекотливая беседа вчерашнего вечера была забыта, и оба чувствовали, что помолвка – это прекрасно. И когда представитель Ллойда уселся за руль, его лицо порозовело от удовольствия.

Поехали. Изабелле нравилась легкость движения, мощность, плавность и бесшумность автомобиля. Чувственная по природе, она обожала любую форму комфорта и теперь наслаждалась роскошной ездой. Миссис Мур сидела очень прямо – настолько, насколько позволяли мягкие сиденья – и строго смотрела на толпы людей, редеющие по мере приближения к Хову.

Дорога шла через Портслейд и Шорхем и далее вверх по долине Эдара. Солнце уверенно набирало силу, и утренний туман незаметно рассеивался. Обдуваемые встречным ветром, они ехали то по солнцу, то в тени и снова по солнцу, и снова в тени. Первое радостное возбуждение Изабеллы прошло: она помрачнела, задумалась, встревоженная и печальная. Природа всегда действовала на нее так. Улицы, магазины, толпы людей – любые виды человеческой деятельности – позволяли ей забыться, а природа возвращала к собственным мыслям, к мучительной констатации пустоты и бесцельности ее жизни… Миссис Мур наблюдала за изменчивым ландшафтом с достоинством и серьезностью. Эти деревья, поля и луга, но более всего безлесные травянистые гряды меловых холмов вдалеке были для нее *священны*. Изабелла относилась к ее настроению с уважением и не пыталась завязать разговор.

Вскоре они приехали в Брембер и затем в Стайнинг, где Маршел остановился уточнить дорогу. Выяснилось, что на развилке, примерно с милю впереди, надо взять влево. Оттуда до поместья Ранхилл около трех миль на северо-запад, правда дорога запутанная и можно сбиться с пути.

Меловые холмы оставались слева. Молчаливо возвышалось гигантское Чанктонберийское Кольцо с гребнем темных деревьев. Когда началась сложная сеть разветвляющихся

дорог, пришлось сбавить скорость. Солнце уже прогрело воздух, и вокруг автомобиля роились тучи мух. Сбиться с пути было действительно очень легко, а люди почти не встречались, поэтому лишь около двенадцати Маршел наконец затормозил перед домиком привратника у ворот поместья.

За воротами к невидимому отсюда дому вела извилистая, довольно широкая аллея, обсаженная кустарниками рододендрона, падуба и других растений. Слева на пригорок поднимался парк – виднелись редкие виды бука, – а справа начинался настоящий лес. Границы леса не просматривались, поэтому трудно было определить, сколь он велик. Поместье окружала старинная, поросшая мхом, красная кирпичная стена. По другую сторону проходящей у домика привратника узкой тропинки тянулись луга, окаймленные вязами, скрывающими поместье от посторонних глаз. Свежий и чистый воздух был напоен цветочными ароматами. Уединенное, красивое и спокойное место…

Когда Маршел выбирался из автомобиля, из привратницкой вышла женщина средних лет. Она поправляла одежду и волосы: наверное, только что сняла передник.

Маршел предъявил записку Джаджа. Женщина начала читать, двигая пальцем по каждой строке и беззвучно проговаривая слова. Высокая, еще не старая, крепко сложенная – типичная домоправительница, с желтыми густыми волосами. Ее симпатичный, немного саркастический взгляд задержался на подписи.

– Когда вы хотите осмотреть дом, сэр?

– Сейчас, если возможно.

– Это не совсем удобно, сэр, – проговорила она, переводя глаза на пуговицу его пиджака. – Незадолго до вас я отдала ключ от дома американскому джентльмену, и он еще не вышел. Не подождете ли?

– Я полагал, вы не пускаете в дом посторонних.

– Мы не пускаем, сэр. Но у него было разрешение. Такое же, как у вас.

– А-а, тогда это, наверное, какой-нибудь заокеанский знакомый мистера Джаджа. Итак, миссис…?

– Миссис Прайди, сэр.

– Итак, миссис Прайди, не вижу никакой проблемы. Мы не помешаем друг другу. Дверь открыта, и мы, наверное, можем войти?

– О да… Не хотите ли, чтобы я провела вас по дому?

– Если будете так любезны.

– Только вот привратницкую нельзя оставить – надо прежде найти мужа. Он работает где-то неподалеку, он здесь главный садовник. Сэр, может быть, леди пройдут в домик и подождут?

– К сожалению, миссис Прайди, у нас не так много времени, поэтому, если вы откроете ворота, мы просто подъедем к дому и сами начнем осмотр. А вы подойдете, когда освободитесь.

– Как вам угодно, сэр, – ответила домоправительница, еле заметно пожав плечами.

Пока Маршел возвращался к автомобилю, она, не выказывая особого рвения, отодвигала засовы и открывала ворота. Через минуту автомобиль медленно въехал на аллею.

Двигаясь на малой скорости, примерно через три сотни ярдов, за первым поворотом, они увидели дом. Он стоял на возвышенности, с которой со всех четырех сторон спускались аккуратные темно-зеленые газоны. Фасад был обращен на юго-восток. Большое старинное здание в елизаветинском стиле было настолько отделано и обновлено – возможно, Джаджем, – что казалось построенным совсем недавно. Хитроумная двускатная крыша с множеством фронтонов сияла новой красной черепицей, нижний этаж был облицован красным кирпичом, а два верхних сияли ослепительно белой известью. Двойной ряд зарешеченных окон на вытянутом фасаде выходил на посыпанную гравием площадку. Слева квадрат-

ное крыло приблизительно тридцати футов высотой, несомненно, принадлежало другому архитектурному стилю. Это и было знаменитое строение тринадцатого века, возведенное во время царствования первого Эдуарда. Его крутая крыша была покрыта серым сланцем, а широкая двустворчатая дверь блестела темно-зеленой краской и отполированной медью.

Обозревая дом, миссис Мур размышляла о том, что обладание таким необычным и колоритным жилищем вряд ли уронит ее в глазах общества.

– Здесь можно жить вполне комфортабельно, не правда ли, Изабелла?

Племянница раздраженно улыбнулась.

– Что ж, если вы окончательно решили замуровать себя в таком захолустье, в сердце первозданной природы…

– Давай, ради Бога, рассуждать здраво, – сказала миссис Мур. – Пригородов я не терплю, городская квартира – это попросту тюрьма, а жить в отелях без тебя я тоже не смогу. Здесь же у меня будет свой дом и независимость.

Изабелла молча отвернулась.

Подъехав к старинному крылу, автомобиль остановился у зеленой двери. Ровно полдень. Солнце припекало, хотя и дул легкий освежающий ветерок. С возвышенности открывалась хорошая перспектива: долина Эдара с грядами меловых холмов и внизу, у самого устья, море в районе Шорхема.

– Это, по всей видимости, и есть Ран-Хилл, – Маршел топнул по земле ногой, – настоящий рунический холм.

– Наверное, с ним связана какая-нибудь история? – спросила Изабелла.

– Со всяким местом связана какая-нибудь история. Меня, например, впечатляет сам факт, что древние саксы называли этот холм так же, как он называется и сегодня.

– Все оттого, что в вас течет саксонская кровь. Во мне – кельтская.

– А разве это столь важно?

– *Сакс*, однако, – слишком общее слово. Среди саксов были крестьяне, были и пираты. Если вы имели в виду последних, моя симпатия на вашей стороне. Наверное, ужасно приятно уничтожать людей, которые вам не нравятся.

Маршел рассмеялся.

– А в вашем характере есть-таки загадочная глубина.

– Возможно, возможно…

– Зачем мы приехали сюда, Изабелла? – потеряла терпение миссис Мур. – Рассуждать о твоем характере или осмотреть дом?

Изабелла отвернулась, наморщила нос и опустила вуаль.

Поставив автомобиль на ручной тормоз, Маршел подошел к зеленой двери и взялся за ручку. Дверь открылась мягко и бесшумно. Дамы освободились от пелерин и направились вслед за ним.

Миновав маленький вестибюль, они оказались в просторном холле. Древность, величественность и приглушенный свет наводили на мысль о старинной часовне. Зал в два этажа высотой был весь из дерева. Потолок темного дуба пересекали массивные балки, стены обшиты панелями, а полированный дубовый пол оживляли несколько персидских ковров чарующих расцветок. По всей ширине противоположной стены на половине высоты зала шел балкон или галерея, куда поднималась устланная коврами широкая и плавная лестница. Две двери под галереей вели внутрь дома. В одной из боковых стен располагался большой старинный камин, а у другой стоял современный паровой отопительный аппарат. Три окна над дверью вестибюля, застекленные малиновыми, темно-синими и прозрачными ромбами, придавали предметам особый мерцающий колорит, странную, зловещую красоту… Панели, перила, двери, мебель – все прекрасно отреставрировано и, по-видимому, заново отполиро-

вано. Джадж, очевидно, восстановил и привел в полный порядок весь зал. И однако общее впечатление оставалось сомнительным. Присутствовал какой-то *диссонанс*…

Маршел неуверенно осматривался.

– Чересчур модернизировано, вы не находите? На мой взгляд, похоже на музей.

– Вовсе нет, – возразила миссис Мур. – Это помещение для отдыха.

– Разумеется, но разве кому-нибудь придет в голову здесь отдыхать? Трудно представить, что здесь можно спокойно выкурить трубку или почитать газету. Я хочу сказать, почему бы по-честному не устроить тут выставку?

– С какой стати? Не совсем понимаю, чем вы, собственно, недовольны?

– Боже мой, тетя! Не будьте такой бестолковой, – вспылила Изабелла. – Он просто-напросто имеет в виду бросающуюся в глаза новизну. Когда речь идет о прошлых столетиях, ожидаешь каких-то примет времени – хотя бы пыли. Я полностью согласна с Маршелом. Ну, а обстановка просто ужасна.

– Чем же тебе не нравится обстановка?

– Да это просто антикварный магазин. Все стили и эпохи… Либо у мистера Джаджа более чем странный вкус, либо у его жены. Вероятно, последнюю можно только пожалеть. *Он* представляется мне человеком, который доверяет только продавцу антиквариата, а разве можно обвинять продавца в излишней эксцентричности?

– Ты рисуешься перед Маршелом, – сухо сказала миссис Мур. – В одном я уверена: мистер Джадж, несомненно, человек *высокой морали*. Такую чистоту и порядок поддерживают только люди, глубоко уважающие этические нормы.

– Если мораль – это вода и мыло, – фыркнула Изабелла.

Драгоценное время летело незаметно, следовало спешить. Они прошли через левую дверь под галереей и оказались в столовой – узкой, длинной и темной комнате с низким потолком. Сейчас ее оживляло полуденное солнце, тем не менее впечатление оставалось мрачноватое, и, когда Изабелла подумала, что, возможно, в этой комнате придется каждый день есть – пусть только несколько месяцев, – сердце у нее упало. Она притихла и сникла.

– Похоже, дом не производит на вас приятного впечатления? – прошептал Маршел.

– Не знаю. Здесь чувствуется что-то зловещее.

– Пожалуй. Думаете, дом будет вас угнетать?

– О, мне трудно это выразить. Здесь веет потусторонним – да, но я имею в виду другое… Атмосфера кажется мне *трагической*. Меня уже преследует ощущение, что кто-то или что-то все время следит за мной и выжидает момент, чтобы опутать, сбить с толку. Уверена, это несчастливый дом.

– Тогда лучше сразу скажите все тетушке. Полагаю, ваше слово решающее.

– Нет, подождем немного, – сказала Изабелла.

Они перешли в кухню, сверкающую чистотой и современностью, оборудованную всевозможными новейшими приспособлениями. Миссис Мур нравилось все увиденное.

– Владельцы, во всяком случае, не жалели средств, – заявила она воодушевленно. – Пока дом во всех отношениях представляется мне в высшей степени удовлетворительным, и я очень рада, Маршел, что вы привезли меня сюда. Если и все остальное так же приемлемо…

– Насчет кухни, дорогая тетя, наши мнения совпадают, – сказала Изабелла. – Если уж придется жить в Ранхилле, большую часть времени стану проводить именно здесь.

Миссис Мур с подозрением посмотрела на нее.

– Хочешь сказать, ты не в восторге от дома?

– Я не в восторге.

– Что же тебе не нравится?

– Трудно, например, долго оставаться в том зале, не прикидывая, сколько гробов из него вынесли с момента постройки.

– Чепуха, дитя мое! Люди умирают везде!

Изабелла помолчала и вдруг неожиданно спросила:

– Интересно, она была молодая?

– Кто?

– Последняя жена мистера Джаджа.

– С чего ты взяла, что она была молодая?

– Просто пришло в голову. Хотя мне пока и не удается представить ее в этом доме… Маршел, думаете, он женится еще раз?

– Судя по тому, как он на корабле сторонился женщин, вряд ли.

Миссис Мур взглянула на часы.

– Уже почти половина первого, а нам предстоит осмотреть еще два этажа. Не стоит бесцельно стоять.

Они возвратились в зал и начали подниматься по главной лестнице. Американец пока никак не проявлялся: в доме было тихо, как в могиле. Миссис Прайди тоже не торопилась подойти… Галерея освещалась через застекленные ромбами окна, и золотистые солнечные лучи, черные тени балюстрады и темно-синие и малиновые пятна создавали впечатление торжественной и зловещей фантасмагории. Воздух словно пропитался запахом старины. Поднявшись наверх, они остановились у перил галереи и некоторое время смотрели вниз, на зал.

Чуждая мечтательности миссис Мур первая перешла к делу и прежде всего быстро оценила расположение. Слева галерея кончалась у боковой стены зала. Перед ними были две двери: первая – прямо напротив лестницы, по которой они поднялись, и вторая, слегка приоткрытая, – немного левее. Справа, за ведущим наверх вторым пролетом лестницы, галерея переходила в длинный и темный коридор с комнатами по обе стороны. Из-за тусклого освещения и крутого поворота конца коридора не было видно.

Изабелла указала на стоящую в нише гипсовую нимфу.

– Должно быть, ее поставил сюда мистер Джадж, – проговорила она, потирая лоб. – И, я уверена, нимфа значила для него несколько больше, чем просто скульптура.

Миссис Мур искоса посмотрела на Изабеллу.

– Откуда ты знаешь?

– У меня такое чувство. Спросим у миссис Прайди, когда она придет. Мне кажется, мистер Джадж – весьма впечатлительный пожилой господин, *увлекающийся* молодыми женщинами. Попомните мои слова.

– По крайней мере, имей приличие не забывать, что ты находишься в его доме.

Миссис Мур едва успела договорить, как все трое вздрогнули от странного звука, донесшегося из открытой двери слева, в точности похожего на мощно взятый на рояле одиночный аккорд. Они в недоумении обменялись взглядами.

– Наш заокеанский друг, – предположил Маршел.

Миссис Мур нахмурилась.

– Странно, разве он не слышал, как мы вошли?

Прозвучал другой аккорд, и за ним быстро последовали еще два или три.

– Он собирается играть, – сказала Изабелла.

– Пойти выяснить? – спросил Маршел, но миссис Мур в знак внимания подняла руку.

Через секунду грянула музыка.

Весьма искушенные в оркестровых концертах, дамы немедленно узнали интродукцию к бетховенской симфонии ля мажор. Но в тот же момент стало понятно, что американец – если это был он – не столько старается воспроизвести фрагмент великого произведения, сколько экспериментирует с ним. Он играл уверенно и бурно, но настолько замедленно, так

менял темп и делал такие паузы, что создавалось впечатление, будто он глубоко размышляет над каждой музыкальной фразой.

Миссис Мур выглядела озадаченной, а Изабелла, когда прошло удивление, прислушивалась все более внимательно. У нее возникло странное ощущение: казалось, невидимого исполнителя побуждало играть не наслаждение музыкой, а какая-то другая причина. Какая же?.. Вполне вероятно, он, профессиональный музыкант, увидев рояль, решил возвратиться к каким-то не совсем ясным ему моментам произведения. Или, быть может, такая игра внушена атмосферой дома?

Изабелла прекрасно знала эту композицию, но никогда не слышала ее в подобном исполнении. Беспокойное возбуждение подготовительных звуков – будто вот-вот поднимется занавес и откроется новый, чудесный мир… Потрясающе… действительно великолепно… Через несколько минут зазвучала знаменитая восходящая гамма, и в ту же секунду ей представились огромные, поднимающиеся вверх ступени… И внезапно – *мертвая тишина*. Музыка вдруг прекратилась.

Изабелла посмотрела на своих спутников. Маршел, почти отвернувшись и лениво облокотясь на перила галереи, с трудом сдерживал зевоту, а тетушка хмуро и отсутствующе смотрела на полуоткрытую дверь. Пианист не выказывал никакого желания возобновить игру: прошло минуты, две и все еще длилась мертвая тишина. Маршел выпрямился и забеспокоился, однако миссис Мур снова настороженно подняла руку. Изабелла молча перебирала волосы.

Они еще продолжали ждать, когда дверь комнаты, где звучала музыка, широко распахнулась и на пороге появился музыкант, спокойно затягивающийся только что закуренной сигаретой.

Глава III
В верхнем коридоре

Незнакомец был в летнем фланелевом костюме серого цвета и держал в руке широкополую панаму. Судя по всему, он еще не заметил их маленькую группу.

Миссис Мур слегка, но довольно звучно постучала каблуком по полу. Незнакомец мгновенно оглянулся, сохраняя, однако, полное спокойствие. Небольшого роста и крепкого сложения, лет пятидесяти, с полной, цветущей физиономией, высоким лбом, короткой, толстой и красной шеей, он производил впечатление энергичного, интеллигентного человека, вероятно, способного долго и интенсивно размышлять. Волосы на лысеющей голове, равно как и остроконечная бородка, отливали красно-рыжим. Довольно большие, несколько выцветшие серо-голубые глаза смотрели с той специфической пристальностью, которая появляется, когда смотрят на что-то одно, а думают совершенно о другом.

– Так вы, значит, и есть американский джентльмен? – поинтересовалась миссис Мур.

Прежде чем ответить, он спокойно подошел к ним.

– Да, я американец, – он говорил с приятной хрипотцой и почти без акцента.

– Нас известили о вашем пребывании в доме, но мы не ожидали, что будем иметь удовольствие насладиться музыкой.

Он вежливо улыбнулся.

– Полагаю, меня несколько оправдывает тот факт, что я забыл о своей публике, мадам. Я слышал, когда вы вошли, а после вы так быстро исчезли где-то в доме, что я успел позабыть о вашем присутствии.

Миссис Мур посмотрела на втиснутый в его боковой карман объемистый блокнот и рискнула высказать проницательную догадку:

– Художники, как известно, не от мира сего.

– Что вы, мадам! Да, я рисую, но это не извиняет моей забывчивости.

– В таком случае вы, по всей видимости, погрузились в английское прошлое. Насколько мне известно, в вашей стране довольно мало таких интересных памятников?

– Немного, хотя все-таки есть – мы ставим на будущее. Однако мой интерес к этому дому вызван особой причиной. Дело в том, что дед моей супруги когда-то владел им… не помню точно, как это у вас называется… ах да – он был *сквайром*.

Изабелла посмотрела ему в лицо своими пристальными серо-черными глазами.

– А почему вы в пустом доме играли Бетховена?

Необычный нежно-металлический тембр голоса привлек его внимание, и он вопросительно взглянул на нее. Потом нехотя ответил:

– Обдумывал кое-что.

– Нельзя ли узнать, что именно?

– Вас это интересует? – еще больше удивился американец. – Ну хорошо… в этом доме мне в голову пришло несколько идей, которые, мне показалось, было бы неплохо проиллюстрировать музыкой – бетховенской музыкой, я имею в виду.

– Знакомы ли вы с мистером Джаджем лично?

– Нет.

Изабелла продолжала внимательно смотреть на него и, очевидно, собиралась еще о чем-то спросить, но в этот момент в зале послышался шум. Внизу из вестибюля вышла миссис Прайди.

– Ну, мне пора, – сказал американец.

Никто не пытался его задержать: леди вежливо улыбнулись, а Маршел приподнял шляпу. Художник степенно поклонился, надел свою панаму и пошел вниз.

Спустившись в зал и минуя домоправительницу, он остановился, чтобы дать ей монету. Затем вышел и закрыл за собой дверь.

– Как зовут джентльмена? – спросила миссис Мур у поднявшейся к ним женщины.

– Мистер Шеррап, мадам.

– О!.. Итак, миссис Прайди, мы уже осмотрели весь первый этаж, будьте так любезны, покажите нам все остальное. И прежде всего, куда ведут эти две двери?

– В гостиную, мадам, и в бывшую библиотеку, которую мистер Джадж переделал в бильярдную. Новая библиотека в конце коридора. Других общих комнат на этом этаже нет.

– Прекрасно, тогда, я думаю, начнем с гостиной.

Миссис Прайди не мешкая провела их в комнату, где мистер Шеррап играл на рояле. Комната находилась прямо над столовой и была точно такой же; окна выходили на боковую и заднюю стороны дома. Святая святых последней хозяйки поместья – совершенно очевидно. Комната явно не для мужчины: слишком много от маленьких женских слабостей – безделушки и украшения… Будуар эксцентричный, легкомысленный и безвкусный, пожалуй, и такой милый… Однако, несмотря на страстные усилия создать собственную атмосферу, все дышало прошлым… Сердце у Изабеллы защемило, и вместе с тем хотелось смеяться.

– Ее *вкус*! – воскликнула она. – Разве она *не видела*, ведь все здесь не так? Сколько ей было лет, миссис Прайди?

– Кому, мисс?

– Покойной миссис Джадж.

– Тридцать семь, мисс.

– На двадцать лет моложе своего мужа. Я не так уж и ошибалась, тетя… Они были счастливы?

– А почему бы им не быть счастливыми, мисс? Молодые мужья не всегда самые обходительные.

– Как она выглядела?

– Маленького роста, хрупкая и красивая, мисс, с приятным и мягким голосом, не болтливая, но с самым острым язычком, какой можно вообразить.

Миссис Мур начала терять терпение, а Изабелла настойчиво продолжала задавать вопросы.

– Часто ли они ходили куда-нибудь вместе?

– Да как вам сказать, мисс. Она была создана для общества, а мистер Джадж предпочитал одиночество. Он мог закрыться и часами сидеть за книгой. Любил долгие и утомительные прогулки по окрестностям. К тому же он состоял в обществе любителей древностей, а там экскурсии, лекции и тому подобное.

– А она присоединялась к ним?

Домоправительница улыбнулась.

– Она ненавидела этих людей, как тараканов, мисс, и называла самыми ужасными словами.

– Бедная миссис Джадж!

– Давно вы работаете здесь? – строго спросила миссис Мур.

– Восемнадцать лет, мадам. Восемнадцать лет назад я вышла замуж за Прайди. А он всю жизнь проработал здесь, как его дед и отец. На их глазах сменилось много хозяев поместья.

– Крайне интересно! Заезжал сюда мистер Джадж после своего возвращения?

– Еще нет, мадам. Мы получаем письма, только и всего.

Когда они проходили через бильярдную, Изабелла ухитрилась слегка приотстать вместе с Маршелом.

– Где комната, которую надо осмотреть?

– Наверху. Мне кажется, я уже говорил, она называется «Восточная комната».

– Я совершенно заинтригована. Дом, безусловно, имеет свою атмосферу. Приятную или неприятную, пока не могу понять.

Он слегка сжал ее руку.

– Хорошо бы дом вам *понравился:* боюсь, нам сложно будет жить вместе, пока не пристроим тетушку.

Она с нежностью взглянула на него и ничего не сказала. Между тем миссис Мур уже вышла за домоправительницей в коридор, где с нетерпением их дожидалась. Не теряя времени, вся компания отправилась осматривать расположенные на этаже спальни. Некоторые – вполне просторные, иные – совсем тесные, однако все были обставлены на современный лад и отличались комфортом – кто бы ни пожелал провести ночь в поместье Ранхилл, мог быть спокоен за свои удобства. Из окон повсюду открывался великолепный вид. И все-таки от всего веяло угнетающе глубокой древностью, и у Изабеллы снова возникли мрачные сомнения.

– Совершенно ясно, – прошептала она Маршелу, – если жить здесь достаточно долго, трудно сохранить присутствие духа. Боюсь, меня в первую же ночь начали бы преследовать видения… Он все же, наверное, не совсем в здравом уме, как вы считаете?

– Вероятно. А вам не хотелось бы познакомиться с ним?

– Да, Маршел!

– Постараюсь устроить вашу встречу.

– Буду очень признательна. Уверена, это совершенно необычный человек, страдает он галлюцинациями или нет.

Изабелла и Маршел догнали наконец домоправительницу и миссис Мур, находившихся в библиотеке. Миссис Мур сразу же отозвала Изабеллу в сторонку.

– Мы осмотрели практически все. Как поступим?

– Мне кажется, тетя, я не смогу здесь жить, но, по-моему, ни к чему торопиться с окончательным решением. Вы не представляете, какие странные мысли приходят мне в голову. То я испытываю ненависть к этому дому, то… даже не могу выразить… Нечто зловещее… но дело не в призраках – совсем в другом… Скорее, незримое присутствие чего-то живого… Жаль, мы так быстро расстались с мистером Шеррапом. Я уверена, он мог бы кое-что объяснить.

– У тебя плохо с нервами, дитя мое, и я сильно сомневаюсь, следует ли тебе переезжать сюда. В одном ты права: не стоит принимать поспешных решений… Давай осмотрим верхний этаж и поедем домой.

Время близилось к часу.

Поднявшись, они оказались на лестничной площадке с низким, покатым потолком: скудный свет сочился из юго-западного слухового окна. Прямо напротив лестницы находились две комнаты для слуг, а справа в другой конец дома ответвлялся длинный и темный коридор, освещенный только косыми окнами в крыше. Наугад открывая расположенные по обе стороны коридора двери, справа они обнаруживали темные кладовки, а слева – спальни для слуг, каждая с выходящим на задний двор окном. Коридор заканчивался лестницей вниз, очевидно, черным ходом. Перед лестницей они повернули обратно и снова вышли на освещенную слуховым окном площадку.

– Теперь, видимо, все? – строго спросила миссис Мур.

– Да, мадам.

Маршел задумчиво потер подбородок.

– А где «Восточная комната»?

– Она заперта, сэр.

– Заперта? А я понял, что мистер Джадж велел ее открыть.

– Мне ничего не известно об этом, сэр. Комната заперта.

– Жаль. Тем не менее покажите, где она находится.

Миссис Мур неодобрительно посмотрела на Маршела, но промолчала.

– Надо пройти по довольно темному коридору, сэр. Если вы не против, пойдемте – комната там.

Параллельно лестнице к фасаду дома вел другой маленький коридор, освещенный мансардным окном в самом его конце. Миссис Прайди направилась туда. Они уже касались головой покатого потолка, когда коридор круто повернул налево и сузился почти до тоннеля. Маршел начал зажигать спички.

– Черт побери, а здесь темно!

– Сейчас посветлеет, сэр.

Примерно через двадцать шагов они снова повернули. Несколько плавных ступенек наверх – и коридор расширился, превратившись почти в комнату. Судя по стропилам, они оказались под фронтоном. Сверху из окна падал луч солнечного света. Помещение было чисто убрано и без всякой мебели.

– Да-а, архитектору в странности не откажешь, – улыбнулась Изабелла. – Неужели коридор ведет только к одной комнате?

– Да, мисс.

Прежде чем войти в следующую темную секцию коридора, они на минуту остановились, чтобы немного побыть на свету. Внезапно лицо Изабеллы напряглось.

– Что это? – прошептала она.

– Что именно? – спросила миссис Мур.

– Разве вы не слышите звук?

Все прислушались.

– Какой звук, Изабелла? – спросил Маршел.

– Неужели не слышите?.. Низкий вибрирующий гул… немного похоже на гудение в телефонной трубке, когда ждешь соединения.

Но больше никто ничего не слышал.

– Джадж упоминал о звуке в коридоре, – проговорил Маршел. – По его словам, не каждому дано услышать. Напоминает далекий отголосок грома?

– Да… возможно… то нарастает, то затихает… Низкий гул…

– Похоже, тот самый. Если, конечно, это не звон в ушах.

Изабелла даже рассердилась.

– Что за шутки! Я прекрасно слышу звук. Представьте прижатую к уху телефонную трубку. Вот-вот послышится голос.

– Глупости! – возмутилась миссис Мур. – Если какой-то звук и доносится, то, верно, где-то снаружи просто гудят провода… Пойдемте!

– Не понимаю, почему больше никто не слышит? Звук такой отчетливый!

– Никто не слышит – и точка, дитя мое. Ты идешь или нет?

– Удивительное, странное впечатление. Словно оркестр за глухой стеной.

– Так и будем здесь стоять в ожидании, пока у тебя не пройдет приступ восторга?

– Интересно, слышал ли его мистер Шеррап? Скорее всего, слышал. Несомненно, именно этот звук дал ему идею *подготовки* чего-то. Потрясающе… О, не смотри на меня как на сумасшедшую, тетя. Уверяю тебя, я в полном порядке.

– Возможно. Только если ты шутишь, почему бы не выбрать другое время? Не обязательно лишать нас обеда. Можно поинтересоваться, долго ли ты собираешься нас здесь держать?

Изабелла наконец согласилась идти, но все время, пока они были наверху, в ее глазах оставался странный блеск.

Вторая секция темного коридора привела к другому помещению под фронтоном, из которого выходил третий, правда, более короткий, тоннель, в дальней части освещенный тусклым светом, проникавшим через застекленную крышу. Коридор упирался в дубовую дверь.

– Это и есть «Восточная комната»? – спросил Маршел.

– Да, сэр.

Он взялся за ручку и попытался открыть дверь – напрасно.

– Итак, мы не можем войти!

– Почему она заперта? – поинтересовалась миссис Мур.

– Так приказал мистер Джадж, мадам.

По выражению лица миссис Прайди трудно было определить, прикидывается она или и в самом деле простовата. Тем не менее Изабелла рискнула задать вопрос.

– В комнате есть призраки?

– Как вы сказали, мисс?

– Я спрашиваю, появлялись ли в комнате призраки?

– Если вы имеете в виду привидения, мисс, – засовывая руки под передник, улыбнулась домоправительница, – то я никогда о них не слыхала.

– Мне просто интересно, ходят ли подобные слухи.

– Этой комнате сотни и сотни лет, мисс. Прайди говорит, она намного древнее других помещений – как, впрочем, и все это крыло. Было бы странно, если бы о такой старинной комнате не рассказывали *никаких* историй.

– Каких, например, историй?

– Лучше спросите моего мужа, мисс. Если он согласится побеседовать с вами на эту тему, то много чего может поведать. Правда, должна я сказать, мало кому удавалось добиться его согласия. Мистеру Джаджу, например, так и не удалось. Прайди работают здесь уже более ста лет, и поэтому вполне естественно, мой муж знает о доме много всякой всячины. Но он не желает потерять место и старается держать язык за зубами. Поговорите с ним, мисс, и, коли он расположится к вам, услышите массу забавных историй. Сама же я мало что знаю.

– Вы упоминали, что эта часть дома древнее, чем зал? – спросил Маршел.

– Мой муж говорит, крылу почти полторы тысячи лет, сэр. Его много раз ремонтировали, поэтому оно похоже на весь дом.

– Хм, довольно занятно. Интересно, знает ли об этом Джадж?

Никто не ответил. Миссис Мур снова посмотрела на часы.

– Нам пора ехать, иначе не успеем пообедать. Если уж вам так необходимо, осмотрите комнату когда-нибудь в другой раз, Маршел.

Стоять у двери не имело никакого смысла, поэтому они пошли обратно. Миновав коридор и спустившись по лестнице, снова оказались в зале. Дамы поблагодарили миссис Прайди и направились к выходу, а Маршел чуть-чуть задержался и сунул ей в руку банкноту.

У домика привратника Прайди сам открыл ворота для автомобиля. Приземистый и крепкий, морщинистый, на вид не старше пятидесяти пяти. Его щеки напоминали кентские яблоки, а маленькие иссиня-черные глазки смотрели настороженно и живо. Изабелла рассматривала его с пристрастием, но не произнесла ни слова.

Вечером в отеле Маршел спросил у Изабеллы:

– Вы не против в следующий уик-энд снова поехать в Ранхилл? Если, конечно, мне удастся достать ключ от «Восточной комнаты».

Она внимательно посмотрела на него.

– Охотно. Только, пожалуйста, когда будете писать мистеру Джаджу, намекните, что тетя хотела бы купить дом. Вы наверняка знаете, как написать достаточно деликатно.

– А это уже решено?

– Решено. Она, может, еще и не разобралась в собственных мыслях, зато я уже разобралась. Напишете?

– И вы согласны прожить там несколько месяцев?

– Согласна. Что может случиться за несколько месяцев?!

Изабелла поправила волосы. Столь безразличным жестом, что Маршелу показалось, будто ей действительно порядком все надоело.

Глава IV
Легенда «Башни Улфа»

Погода не испортилась и в воскресенье. Утром миссис Мур отправилась в церковь, а Изабелла потащила Маршела на Западный пирс, где давали музыкальный концерт. В честь его возвращения из Америки она впервые со дня смерти брата сменила траур на легкое летнее платье и вишневую шляпку. Лицо, как обычно, было напудрено. Пока они пробирались между рядами слушающей публики, Изабелла нервничала и сердилась: прошлой ночью она спала отвратительно.

Оркестр играл в павильоне, и через открытые окна они прекрасно слышали музыку. Отыскав два свободных места, Маршел с Изабеллой уселись. Заканчивался бесцветный вальс.

Почти тотчас же Изабелла слегка тронула своего кавалера и многозначительно показала взглядом на его соседа с другой стороны. Шеррап.

– Заговорить с ним? – шепнул Маршел.

– Разумеется.

Сохраняя полную невозмутимость, Маршел продолжал сосредоточенно курить, пока музыка окончательно не затихла. Затем с добродушной улыбкой повернулся к соседу.

– Слишком жарко сегодня, не правда ли, мистер Шеррап?

Плотный, рыжебородый американец как раз вытирал расшитым платком вспотевший лоб. Убрав платок, он неспешно протянул представителю Ллойда руку. Его взгляд на мгновение задержался на лице Изабеллы, тем не менее он не рискнул напомнить о вчерашней встрече.

– Вам известно мое имя?

– Нам сообщила домоправительница. Позвольте представиться: Стоукс, а это – мисс Ломент.

Шеррап привстал и поклонился.

– Надолго ли в Брайтон? – поинтересовался Маршел.

– Нет. Завтра утром возвращаюсь в Лондон и затем сразу в Италию.

– Вы, значит, не собираетесь встретиться с Джаджем? Если не ошибаюсь, вы не знакомы с ним лично?

– Совершенно верно. Мы никогда не встречались. Моя супруга пожелала, чтобы я по пути посетил дом ее деда, поэтому я написал мистеру Джаджу, а он любезно прислал мне разрешение на осмотр. Вот, собственно говоря, и вся наша связь.

– Вам известно, что он только что вернулся из Америки?

– Миссис Прайди уведомила меня об этом.

Изабелла тихонько попросила Маршела поменяться местами. Пересев, она дружески обратилась к американцу:

– Вас по-прежнему тянет к музыке, мистер Шеррап?

Он улыбнулся.

– О, музыка изобретена для одиноких мужчин.

– Следовательно, ваша супруга не с вами?

– Не вините меня, мисс Ломент, я здесь ни при чем. Она просто не смогла поехать. Боится моря.

– Вы приехали по делу или на отдых?

– О, просто хочу побродить по картинным галереям.

– В каком жанре вы пишете?

– Я портретист.

– Ужасно интересно. Вам, надеюсь, не приходится принимать заказы от различных неприятных и малоинтересных людей?

– Не существует неприятных и малоинтересных людей, мисс Ломент. Для художника всякий человек – проблема: индивидуальные особенности неповторимы.

– Никогда не смотрела на портрет с подобной точки зрения. Наверное, вы правы. Должно быть, искусство захватывает вас целиком!

Маршел встал.

– Пойду куплю сигарет. Изабелла, подождите, пожалуйста, я скоро вернусь.

– Пожалуйста, только недолго. – Изабелла снова повернулась к Шеррапу.

– А кто чаще заказывает вам портреты – мужчины или женщины?

– Оба пола одинаково тщеславны, мисс Ломент, но дамы, пожалуй, проявляют в этом смысле больше энтузиазма. Однако я затрудняюсь ответить так сразу.

Изабелла улыбнулась. Небольшой музыкальный антракт кончился, и беседу пришлось отложить. Пока играл оркестр, Изабелла отстраненно и нервно постукивала кончиком зонтика по настилу пирса. Как только отзвучали последние ноты, она поспешно взглянула направо, чтобы проверить, не возвращается ли Маршел, и затем наклонилась – почти дружески – к своему собеседнику.

– Расскажите, что вы действительно думаете об этом доме?

– Довольно внушительный старинный домище, мисс Ломент.

– И больше ничего?

Он внимательно взглянул на нее.

– Полагаю, трудно сказать о доме что-нибудь еще.

– А почему вы сели за рояль? Помните?

– Ах, *это*! – он снял шляпу и медленно провел рукой по широкому выпуклому лбу. – Моя маленькая импровизация, похоже, затронула ваше воображение. Мне казалось, вчера мы уже обсудили это.

– Право, вы играли очень странно.

– Возможно, я просто странный человек, мисс Ломент.

– Давайте не будем играть словами. Сейчас вернется мистер Стоукс. Я хочу знать, какое отношение к вашей музыке имеет дом?

Шеррап заколебался и нерешительно произнес:

– У меня возникли определенные ощущения.

– Думаю, да. Но где именно они возникли? Не в комнате ли под фронтоном на самом верху?

Короткая пауза.

– Кажется, мы сидим в одной лодке, мисс Ломент.

– Следовательно, это произошло там?

– Не там, хотя поблизости. У двери в «Восточную комнату», как теперь говорят. Прежде она называлась «Башней Улфа». Вы дошли до нее?

– Да. И что же вы слышали?

– Слышал?.. О, вы, кажется, имеете в виду тот звук в коридоре? Нет, я говорю о другом, мисс Ломент.

– О чем же тогда? Расскажите, что случилось?

– Ничего не *случилось*. Мы говорили об *ощущениях*, не так ли?.. Я художник, мисс Ломент, а художник – комок живых нервов. Я впадаю в беспричинное беспокойство, быть может, по десять или двадцать раз на дню и даже не знаю почему. Тогда я испытал, так сказать, «сейсмическое потрясение», только и всего.

– Если вы думаете, я задаю праздные вопросы, – Изабелла говорила очень быстро, – то ошибаетесь. Моя тетя собирается приобрести поместье Ранхилл, и, если сделка состоится, мне придется там жить. Мой интерес, таким образом, вполне оправдан.

Шеррап посмотрел на нее профессиональным взглядом. Тонкие ноздри, нервный рот и странное выражение серо-черных глаз, конечно, очаровательны, и все-таки они не передают одной очень важной черты ее характера, которая проявляется только в спокойном и приятном, но вместе с тем металлически-отчужденном голосе.

– К сожалению, я почти ничего не знаю, – наконец сказал Шеррап.

Снова возникла пауза.

Прежде чем произнести следующую фразу Изабелла смутилась и на мгновение отвела глаза.

– И все-таки вы что-то знаете. Я чувствую. Не могли бы мы где-нибудь встретиться и поговорить? Здесь явно не место для такого разговора, – она улыбнулась уже более уверенно. – Я знаю, мое предложение ужасно мелодраматично, но вы же меня понимаете?

– Почту за честь, – с некоторой неохотой отозвался Шеррап.

– Простите, если вы находите мою просьбу бестактной или у вас нет времени…

– Почту за честь и буду очень рад. Только вы наверняка разочаруетесь, узнав, сколь мало я могу рассказать, мисс Ломент… Кроме того, завтра утром я уезжаю.

– С каким поездом?

– В одиннадцать утра.

Изабелла задумалась. Маршел уезжал на три часа раньше.

– Давайте договоримся. Не могли бы вы подойти к этому пирсу завтра ровно в десять? Вы вполне успеете на поезд.

– Хорошо. Ровно в десять. Приду.

– Рассчитываю на вас.

– О, я всегда держу слово, мисс Ломент.

Изабелла собиралась еще что-то сказать, но заметила спешащего Маршела. Пока он ходил за сигаретами, в его кресло уселась полная дама, неопределенного возраста, с отвислым подбородком и, судя по всему, довольно сварливая. Изабелла и Шеррап обнаружили ее только сейчас.

Шеррап встал.

– Я вас покидаю. Садитесь в мое кресло, мистер Стоукс, – хочется перед ленчем пройтись по берегу моря.

На следующий день рано утром, позавтракав вместе с Маршелом, Изабелла проводила его на станцию. Автомобиль и кое-какие вещи он оставил в Брайтоне, так как собирался вернуться в ближайший уик-энд.

В десять Изабелла подошла к Западному пирсу. Заметив ее, Шеррап приподнял шляпу, вынул изо рта сигару и направился к ней.

– Давайте пройдемся в сторону Хова, – предложила Изабелла. – Там менее людно.

Шеррап сухо кивнул.

– Очень любезно с вашей стороны согласиться на встречу, – начала Изабелла. – Мы же совершенно незнакомы.

– Не говорите так. Мне кажется, я знаю вас уже давно… Не мешает ли вам сигара?

– Нет, пожалуйста, курите…

– Благодарю. Перейдем к делу – времени мало, мисс Ломент. Вы назначили свидание для того, полагаю, чтобы я описал свои ощущения в Ранхилле. Больше вы ничего не хотите, не правда ли?

– Вы разочарованы?

– О, меня не так-то просто разочаровать… Итак, я уже говорил вам, где все случилось – у двери в «Восточную комнату». Признаться, ради этой двери я, собственно, и приехал и страшно досадовал, когда обнаружил, что она заперта.

– Прежде всего я хочу знать, слышали ли вы звук в коридоре? Никто из моих друзей не слышал, поэтому я спрашиваю.

– Да, слышал. Как будто где-то вдали медленно провели смычком по струне контрабаса… Потом опять и опять.

– Да, да – *именно так*. Я никак не могла найти сравнение – именно такой звук.

– Трудно объяснить происхождение звука. Возможно, его создают устойчивые воздушные потоки между «Восточной комнатой» и остальной частью дома.

– А откуда берутся потоки?

– Не знаю. Так ли это важно для вас?

– Звук ужасающе нездешний. Мне кажется, я все еще слышу его.

– Пока оставим звук и перейдем к моему переживанию. Рассказать можно в двух словах. Стоя у двери – после безуспешных попыток открыть ее перочинным ножом, – я внезапно почувствовал *запах*… Не улыбайтесь, мисс Ломент. В запахе нет ничего смешного. Мне, да, впрочем, и вам, хорошо известно, что по сравнению с другими органами чувств обоняние может вызывать наиболее сильные и сложные ощущения. Нельзя убить человека зрительным образом или звуком, чего никак не скажешь о некоторых запахах, необязательно даже неприятных. Такова уникальная роль обоняния. Мне бы хотелось, чтобы когда-нибудь создали искусство запахов… Ну хорошо, тот удивительно сложный запах ассоциировался в моем воображении с миниатюрой весеннего леса. Все оттенки благоухания сосен, фиалок, тучной, напитанной влагой земли – все, что может донести до вас легкий весенний ветерок, только тщательно дистиллированное – как будто открыли флакончик новейших духов…

– А потом?

– Вспомните, где я находился, мисс Ломент. В темном и пыльном коридоре старинного дома, куда свежий воздух не проникал, должно быть, сотни лет… Я чуть не вскрикнул от изумления. Но так же внезапно запах исчез. Я вдыхал аромат, думаю, не более десяти секунд. И тотчас почувствовал себя в каком-то смысле другим, просветленным – как человек, переживший видение. Только чуть позже я осознал всю важность случившегося. Это было как дуновение из другого мира… Дом *живой*, мисс Ломент.

– Это все?

– Все.

– Очень, очень странно. И все-таки я до сих пор не понимаю, каким образом запах заставил вас *так* играть?

– А разве запах заставил меня играть? Хотя да, наверное. Каким образом, не могу объяснить. Вызванная запахом мысль давно рассеялась, и теперь ее не восстановить… Оркестр *настраивает* инструменты – последние секунды перед началом. Вот-вот произойдет что-то важное… Нечто в этом роде… Однако не связывайте мои ощущения лишь с той музыкой. Вообще-то, годилась любая классическая симфония. Просто я выбрал Бетховена. В тот момент его музыка, верно, показалась мне наиболее подходящей.

– Я хочу задать вам вопрос, мистер Шеррап, весьма странный вопрос, – Изабелла постаралась, правда довольно безуспешно, говорить непринужденно. – Не потому ли вы выбрали эту симфонию, что знаменитый восходящий пассаж ассоциировался в вашем воображении с гигантскими, поднимающимися вверх ступенями?

Шеррап затянулся сигарой и, выдыхая дым, краем глаза глянул на Изабеллу.

– А почему он должен был ассоциироваться со ступенями?

– Я не знаю, должен был или не должен, я просто хочу знать, ассоциировался или нет?

– Нет. Вам, кажется, известно что-то такое, о чем я не имею ни малейшего понятия, мисс Ломент. С какими ступенями?

– Да так… пустяки. Просто глупый вопрос… Не пора ли нам вернуться?

Они пошли обратно.

Скорей, скорей заговорить о другом – Изабелла судорожно искала, о чем бы спросить.

– Вы упомянули, будто комната раньше называлась иначе. Как, я забыла?

– Да, комнату называли «Башней Улфа». Улф, по преданию, и построил этот дом. Он родился лет через сто после первой высадки южных саксов. С тех пор дом четыре или пять раз полностью перестраивался, однако название впервые изменили только пару веков назад. История дома подробно изложена Майклом Баурдоном, предком моей супруги. Он пишет, что Ранхилл Корт основан в шестом веке нашей эры.

– А почему именно с той комнатой связано имя Улфа?

– Да потому что, по легенде, прямо над ней и находились исчезнувшие комнаты.

– Я не слышала никакой легенды. Что за исчезнувшие комнаты?

– Вы меня определенно удивляете. Я думал, каждый ребенок в старой Англии знает о пропавших комнатах Ранхилла. Улф, мисс Ломент, построил свой дом в нечистом месте. В те времена пустынную возвышенность рунического холма населяли тролли – одна из разновидностей злокозненных эльфов, насколько мне известно. Хотя Улф и *был* язычником, он не посчитался с троллями и все-таки построил дом. Видно, Улф, упрямый и самоуверенный малый, презирал местные суеверия. Ну а потом в один прекрасный день он исчез, а вместе с ним и часть дома. Несколько верхних комнат башни унесли тролли – словно их и не было. Исчезла восточная часть дома, которая соседствовала со счастливыми охотничьими угодьями троллей. С тех пор никто больше не слышал об Улфе, хотя в течение веков время от времени возникали слухи, будто кто-то видел пропавшие комнаты… Вот и вся легенда.

Некоторое время они шли молча.

– А как вы думаете, стоит мне переезжать в этот дом? – неуверенно улыбаясь, внезапно спросила Изабелла.

Прежде чем ответить, Шеррап долго курил.

– Раз вы спрашиваете моего совета, мисс Ломент, значит, вас что-то тревожит. Расскажите, в чем дело.

– Исповедоваться всегда как-то неловко, мистер Шеррап, и я не уверена, не посмеетесь ли вы надо мной.

– Наш разговор совсем не смешной.

– Так и быть… Тот странный звук в коридоре, кажется, задел в моем сердце какую-то очень глубокую струну, неизвестную мне самой. Какую-то потаенную *страсть*… Да, *именно страсть*. Меня охватила радость, и вместе с тем на сердце сделалось мучительно тяжело – подступило ужасное, безысходное отчаяние… Правда, радость, пожалуй, преобладала… Все это секундные ощущения, но вряд ли когда-нибудь я смогу их забыть…

– Понимаю…

– Тогда объясните, что со мной и как мне быть.

Шеррап бросил сигару.

– Ничего не предпринимайте, мисс Ломент, и не задавайте вопросов. Советую вам как человек, у которого есть собственная дочь.

– То есть вы советуете не переезжать?

– Безусловно, – он выразительно махнул рукой. – Забудьте обо всем. Такой дом не принесет вам добра. Сказать, кто вы, в сущности, такая, мисс Ломент? Вы – художник без профессии. Вы словно громоотвод без заземления – вам следует избегать грозы. О, ведь я портретист. Ваша нервная натура очевидна… Вы просили совета, я его дал. На вашем месте

я не стал бы там жить. Если вы испытываете такие чувства в самом начале, что будет потом? Это слишком рискованно.

– Спасибо, – спокойно сказала Изабелла. – Наверное, я *воспользуюсь* вашим советом. Боюсь, по природе я будто натянутая струна, впрочем, никто из моих друзей даже не подозревает об этом. Меня почему-то считают флегматичной. Вы, пожалуй, единственный, кто разгадал, что я способна на сильные чувства.

Когда они вернулись к пирсу, Шеррап распрощался и пошел к станции. Изабелла весьма и весьма поразила его. Сидя в вагоне перед отправлением поезда, он достал свой объемистый блокнот и принялся набрасывать портрет. Закончив, неудовлетворенно покачал головой. Сходство великолепное, но так и не удалось передать ее голос.

Глава V
Изабелла видит себя

Маршел приехал в следующую пятницу с вечерним поездом. На неделе он написал Джаджу и получил от него ответ. Джадж сообщал, что все еще колеблется насчет продажи дома, но надеется вскорости прийти к определенному решению. Кроме того, он писал, что пока не считает необходимым встречаться с леди, пожелавшей приобрести Ранхилл Корт, но в случае положительного решения гарантирует ей право первого выбора. К письму прилагался ключ от «Восточной комнаты». Маршел пересказал миссис Мур содержание письма, правда только деловую часть.

По-прежнему стояла хорошая погода. В субботу они совершили длительную поездку на автомобиле по Сассексу и Кенту, а вечером были в театре.

В воскресенье утром, за завтраком, Изабелла сообщила миссис Мур о своем намерении вместе с Маршелом до обеда съездить в Ранхилл. Тетушка отнеслась к поездке равнодушно, ибо по воскресеньям неизменно отправлялась в церковь.

– Надеюсь, на этот раз вы *вернетесь* к обеду?

– Обязательно. Маршелу просто хочется закончить осмотр.

– Я знаю, дом тебе не понравился, и нет надобности предостерегать тебя от преждевременных восторгов. Да и Джадж наверняка не захочет расстаться с поместьем.

– Почему? – заинтересовался Маршел.

– О, я кое-что понимаю в разбитых сердцах старых вдовцов. Он скорее снова женится, чем откажется от своего обжитого, знакомого дома. В таком возрасте он уже не столько человек, сколько сплошное переплетение привычек.

– Пятьдесят восемь – не такой уж и возраст.

– Слишком стар, чтобы менять образ жизни, но не слишком – для новой жены, – повторила миссис Мур нарочито и пренебрежительно.

– Не сомневаюсь, всегда найдутся женщины, которые будут не прочь выйти за него замуж, – придвигая розетку с джемом, сказала Изабелла. – У него, должно быть, приличное состояние.

– Конечно, Изабелла. Даже молоденькие девушки. Стоит ему только захотеть, и подыскать молодую красивую жену окажется много проще, чем хорошего повара. Попомните мои слова, в течение года в Ранхилл Корт появится новая миссис Джадж.

– А мне представлялось, вы относитесь к нему с почтением, – бесстрастно заметила Изабелла.

– Я отдаю должное его умению вести практические дела, но это не ослепляет меня настолько, чтобы не понимать, как, вероятнее всего, он поступит.

– По-моему, вы просто считаете, что с его стороны не очень-то прилично заставлять вас мучиться неизвестностью. Признайтесь, тетя!

– Ты совершенно не права, дитя мое. Я вовсе не тороплю его. Всего-навсего стараюсь понять, отчего он никак не может ни на что решиться. Дом – его собственность, и он, естественно, вправе поступать как найдет нужным… – несмотря на спокойный тон, миссис Мур, несомненно, рассердилась.

Маршел с Изабеллой выехали чуть позже десяти и по знакомой дороге к одиннадцати уже добрались до Ранхилла. На этот раз за воротами присматривал сам Прайди. Одетый в черный костюм – надо полагать, по случаю воскресенья, – он курил пожелтевшую от никотина трубку с чашечкой, вырезанной в форме человеческой головы. Маршел приоткрыл

письмо Джаджа, показал его подпись и протянул главному садовнику несколько монет, которые тот безразлично сунул в карман.

– Можно сейчас же попасть в дом?

– Да, сэр.

– А вы свободны?

– Свободен, сэр.

– В сущности, мы хотели бы осмотреть лишь одно помещение. Все остальное уже видели. Я имею в виду «Восточную комнату». В прошлый раз она была заперта, теперь у меня есть ключ.

Садовник прищурил хитрые глазки и осторожно, вроде бы безразлично спросил:

– С чего это вдруг хозяин решил открыть эту комнату, сэр?

– А разве есть какие-то особые причины не открывать?

– Она заперта уже восемь лет, сэр, по-моему, одно это – довольно веская причина.

– А почему вообще комнату закрыли? – поинтересовалась Изабелла.

– За ненадобностью, мисс. Там нет ничего любопытного.

– Зачем же тогда столь прочный замок?

Убедившись, что Прайди не собирается отвечать, она задала другой вопрос:

– Насколько мне известно, комнату называют не «Восточной», а «Башней Улфа»?

– Как?

– «Башней Улфа».

– В первый раз слышу, мисс. Мой дед говаривал, мол, еще во времена его молодости старики называли ее «Башней Эльфов».

– Как странно! Любопытно, какая версия правильнее?

– Мы можем обсудить это и в доме, – Маршел повернулся к садовнику. – Если, конечно, вы возьмете ключ и впустите нас.

Едва Прайди отправился в домик привратника, Изабелла закрыла глаза и потрогала лоб.

– Боюсь, у меня начинает болеть голова.

– Возможно, от солнца? Чем быстрее мы окажемся в доме, тем лучше.

– Похоже, вы правы – солнце печет очень сильно.

Садовник пробыл в привратницкой лишь несколько секунд и, появившись с ключом в руке, пошел открывать ворота. Маршел сел в автомобиль (Изабелла не выходила), они въехали и пригласили сесть закрывавшего ворота Прайди. Автомобиль мягко прошуршал по аллее и остановился у дома.

Пока ожидали возившегося с замком Прайди, у Изабеллы так разболелась голова, что она едва стояла на ногах.

– Хуже? – обеспокоенно спросил Маршел.

– Ох да. Хорошо бы, он поспешил.

Дверь наконец открылась. Поддерживая Изабеллу, Маршел провел ее в прохладный зал и усадил в кресло. Мужчины продолжали стоять.

– Здесь лучше, только боюсь, я не в состоянии идти дальше… – тихо проговорила Изабелла, помолчала и более оживленным тоном спросила: – Итак, мистер Прайди, вы ничего не знаете о «Восточной комнате»?

– Почему, собственно, «итак»? – переспросил тот небрежно, но не агрессивно. – Я не говорил, что не знаю.

– Вы же сказали: там нет ничего интересного.

– Там нет ничего интересного *для вас*, мисс.

– А что, по-вашему, для меня интересно?

– Вы приехали сюда вроде как на пикник, мисс… А с этим домом шутки плохи. Он может и укусить, и притом укусить очень сильно.

В любой другой ситуации Изабелла поморщилась бы, слушая простецкие выражения, но в торжественной безмолвной обстановке глубокой древности сказанное прозвучало почти угрожающе. Она замолчала, и расспросы продолжил Маршел, на которого окружающее, судя по всему, ничуть не влияло.

– Что, собственно, Прайди, вы имеете в виду?

– Джентльмены вроде вас, сэр, могут разгуливать по дому сколько угодно. Вы ничего не увидите и не услышите, и дом не причинит вам вреда. А вот у молоденьких барышень совсем другие нервы, и, ради забавы отправившись в путешествие, они могут и не вернуться; даже если и захотят… У леди болит голова. Вот и хорошо. Пусть, сэр, она отдохнет, а мы с вами сходим наверх и все осмотрим.

– О, вздор!.. Вы же хотите пойти – да, Изабелла?

– Очень. Хотя я действительно неважно себя чувствую. Головная боль не проходит, наоборот, только усиливается.

– В таком случае, быть может, мне лучше остаться? Или все-таки осмотреть комнату? Это займет минут десять. Как скажете, так и сделаем.

– Пожалуйста, идите с мистером Прайди. Надеюсь, мне станет легче, если я немного побуду в тишине и одиночестве. От разговоров только хуже.

– Но я не могу вас так оставить!.. Вы уверены, что вам не в тягость чуть-чуть побыть одной?

Изабелла утвердительно кивнула и слабо улыбнулась.

– Боже мой, я же не ребенок!

Маршел неохотно попрощался и начал быстро подниматься по лестнице. Прайди, чьи одеревеневшие от ежедневного копания в саду ноги не сравнить с молодыми ногами представителя Ллойда, постепенно начал отставать.

Изабелла то закрывала, то открывала глаза. Покой, тишина и приглушенный свет успокаивающе действовали на нервы, и минуты через две ей и в самом деле полегчало. Со времени их первого визита в зале ничего не изменилось. Падающие на темное благородное дерево малиновые, синие и золотистые лучи создавали атмосферу торжественной и зловещей красоты. Как и раньше, все пребывало в абсолютном безмолвии.

Внезапно Изабелла словно очнулась: не сознавая того, она давно уже смотрела на нечто новое, о чем до сих пор даже не подозревала. Если она и видела это раньше, то, верно, не обратила внимания. Неподалеку от старинного камина находился еще один лестничный пролет, не покрытый коврами, ведущий куда-то наверх.

Изабелла не заметила ничего особенного – самая обыкновенная, абсолютно реальная лестница. Единственная странность – лестница каким-то непонятным образом до сих пор не попадалась ей на глаза.

Лестничный пролет до конца не просматривался – ступени начинались в зале и через проем в стене вели, видимо, на какой-то верхний этаж. Мелькнула мысль: если подняться, наверняка попадешь в еще не обследованную часть дома. Воодушевленная своим открытием, Изабелла забыла о головной боли. Стоит ли звать Маршела? Вряд ли на таком расстоянии он услышит ее голос, а рассказать об открытии она успеет и после. Пока же у нее есть шанс предпринять собственное небольшое расследование. Разумеется, это не странная лестница, о которой говорил Джадж. Ведь Джадж видел ее в другой части дома, к тому же ступени столь явственно материальны, что о чем-то сверхъестественном не может быть и речи. Изабелла совершенно не испытывала тревоги – лишь удивление и любопытство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.